

К вопросу о теории и конвергенции политических элит^{*}

To the Question of the Theory and Convergence of Political Elites

М. ЗУБАРЕВ

Зубарев Михаил Евгеньевич, соискатель кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета. E-mail: miha-zubarev@rambler.ru

В статье анализируются вопросы эволюции теории элит в условиях современного государства. Акцентируется внимание на проблематике расширения исследовательской оптики элит, социально-политической проблематике функционирования элит в условиях трансформирующегося общества. Преемственность теории элит В. Парето, Г. Моски, Р. Михельса, П.А. Сорокина в трудах современных ученых видится в расширении исследовательских форм и методов, раскрытия действий элит и ее воспроизводства в условиях сетевого управления.

Ключевые слова: теория элит, политические элиты, политическая власть, социальное развитие, политическая модернизация.

The article analyzes the evolution of the theory of elites in the conditions of a modern state. Attention is focused on the problems of expanding the research optics of the elites, the socio-political problems of the functioning of the elites in a transforming society. The continuity of the theory of elites by V. Pareto, G. Mosca, R. Michels, P. Sorokin in the works of modern scientists is seen in the expansion of research forms and methods, the disclosure of the actions of the elites and its reproduction in the conditions of network management.

Keywords: theory of elites, political elites, political power, social development, political modernization.

Введение

Концепция «элиты» основана на представлении о том, что в каждом обществе существует правящее меньшинство, группа, которая контролирует и оспаривает наиболее важные источники власти. Не только элиты оспаривают власть (достигая различных уровней конфликта и насилия), но и новые элиты также вступают в игру посредством различных механизмов вербовки элиты.

Теория элит исследует различные концептуальные подходы социального развития и модернизации как в западном, так и в общегуманитарном исследовательском контексте (например, исследования А. де Сваан [4], С. Липсета и А. Солари [11], Е. Рейса и М. Мура [15]).

Классические и современные исследователи теории элит разделяют стремления объяснить результаты эффективности государства посредством анализа и раскрытия поведения элит. Если политическая социология занимается исследованиями отношений между государством и обществом, то теория элит основывается на предположении, что действия элитных групп оказывают значительное влияние на отношения между публичной властью государства и элитами. Таким образом, типы режимов, их смена, либерализация, государственность, секуляризация и многие другие политические явления укладываются в рамки теории элит.

Методы

В статье использован метод критического анализа работ отечественных и западных исследователей в области изучения политических процессов выдвижения властных элит. В исследовании были использованы системный подход, позволяющий рассматривать общественные явления в их взаимосвязи, сравнительный метод и институциональный подход в анализе процессов формирования политической элиты в условиях становления сетевого общества.

^{*} Ссылка на статью: Зубарев М.Е. К вопросу о теории и конвергенции политических элит // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 4. С. 65–70.

Результаты

Проведенный анализ динамики теоретических подходов к особенностям развития современных элит приводит к необходимости акцентировать внимание на том факте, что современные элиты активно встраиваются в процессы модернизации национального государства и глобализации, формируют и масштабируют сетевое сотрудничество между всеми политическими акторами, в зависимости от поставленных политических целей, необходимости реализации политических решений. Сетевой подход в исследовании современной элиты видится перспективным направлением выявления потенциала элит, форм ее взаимодействия и влияния на политические процессы.

Обсуждение

Столкнувшись с глубокими изменениями в политическом ландшафте из-за постепенного расширения избирательного права в западных демократиях, такие авторы, как В. Парето, Г. Моска и Р. Михельс, настаивали на неизбежном олигархическом характере любой коллективной организации, включая современные массовые политические партии. Настаивая на том, что политика всегда является борьбой за власть внутри правящей элиты, авторы сосредоточили свои исследования на непреднамеренных политических последствиях иррационального поведения, особенно путем установления различий между «риторикой легитимации» и «истинными» мотивами политического действия, которые, в свою очередь, отражали более значительное и фундаментальное социальное различие между правящим классом и управляемыми (согласно Г. Моска) или между элитой и неэлитой (по В. Парето). Основные теоретические интересы М. Вебера хорошо известны, однако исследования В. Парето часто сводят к теории элит, в то время как большую часть своих исследований он фактически посвятил общей теории социального поведения [3].

Традиции исследования элит сильно повлияли на анализ политических явлений в XX веке: был разработан «демократический элитаризм», который интерпретировал либерально-демократические режимы в соответствии с моделью институционализированной конкуренции между правящими элитами.

Демократическая элитарность сыграла заметную роль в объяснении «третьей волны» демократизации, которая имела место после Второй мировой войны, обеспечив концептуальную основу для возникновения новых политических режимов, чрезвычайно зависимых от хорошо организованных, централизованных массовых партий. Однако эта структура (и ее практические последствия) в последнее время оспариваются не только популистскими политическими движениями, но и теориями партиципативной демократии, которые подчеркивают прямое участие граждан в процессах коллективного принятия решений, тем самым апеллируя к демократической элитарности в части ее несостоятельности, к тому, что она является либо извращением демократии, либо вообще ее отсутствием.

Тем не менее, факт остается фактом: нынешние либеральные демократии, как правило, сохраняют партийную модель, которая в первую очередь вызвала рост демократической элитарности, и возрождение популистского дискурса привело к тому, что центр внимания политической конкуренции был направлен на существующие (и неизменные) политические элиты.

Согласно Дж. Барнхэму, классическая теория элит включает в себя следующие акценты [3, 165]:

1. Основной целью любой элиты или правящего класса является сохранение власти и привилегий;
2. Правление элиты основано на силе (не обязательно явной) и злоупотреблений;
3. Социальная структура поддерживается политической формой, которая обычно коррелирует с общепринятой религией, идеологией или мифом;
4. У каждой элиты есть две противоположные тенденции: а) аристократическая тенденция, с помощью которой элита стремится сохранить правящее положение своих членов и не дать другим войти в ее ряды; (б) демократическая тенденция, с помощью которой (i) новые

элементы пробиваются в элиту снизу или (ii) правящий класс открывает верхние ряды иерархии и поглощает новые элементы снизу;

5. В долгосрочной перспективе демократическая тенденция всегда преобладает. Следовательно, никакая социальная структура не является постоянной, и никакая стабильная утопия невозможна;

6. Когда преобладает аристократическая тенденция, происходят быстрые сдвиги в составе и структуре элит (например, социальные революции).

Г. Моска и В. Парето пытались провести «простое, почти очевидное наблюдение о том, что все организованные общества состоят из подавляющего большинства без какой-либо политической власти и небольшого меньшинства власть имущих», это было целью «истинной науки о политике», то есть «понять, как “политический класс” вербует себя, удерживается у власти и легитимирует себя через идеологии» [12, 52].

Согласно А.О. Хиршману, утверждение о том, что любое общество, независимо от его политической структуры, всегда разделено между элитой и неэлитой, было «специально разработано [классическими представителями теории элит], чтобы доказать тщетность любого движения к истинному “политическому гражданству” через избирательное право» [12, 51]. Главная цель элиты состояла в том, чтобы продемонстрировать, что всеобщее избирательное право изменилось бы очень мало, если вообще что-то изменило. Чтобы усилить этот аргумент, было важно перевести его в «научный закон», который показал бы невозможность подлинных политических изменений.

Классические элиты (квалифицируемые Дж. Бернхэмом как современные макиавеллисты) считаются защитниками свободы, потому что они «не тратят время на споры о достоинствах или недостатках мифа о демократии, определяемой как самоуправление», а «очень глубоко обеспокоены реальностью демократии, определяемой как свобода» [3, 181]. Свобода, судебная защита и право на оппозицию являются, таким образом, краеугольными камнями переосмысления Бернхемом демократии.

Теорию элит можно интерпретировать как периодическую реакцию на социальную революцию. Структура современных элит, по М. Веберу, сложна и разнообразна, она может принимать разные формы. Харизматичные лидеры-политики (как правило, государственные деятели с даром ораторского искусства, сильным психологическим типом личности) играют центральную роль в современных политических элитах как политические интеграторы, стратеги и, прежде всего, культиваторы доверия и уверенности масс в своей исключительности.

Демократические предвыборные конкурентные процессы делают лидеров ключевыми носителями доверия масс. Небольшие группы политической поддержки, формирующиеся вокруг таких лидеров, доминируют и направляют политические стратегии в демократизированных режимах; они являются естественной частью всех элит, включая современные демократические элиты. Небольшой размер и внутреннее единство лидерских групп, в свою очередь, придает им организационную гибкость и «превосходную политическую маневренность».

М. Вебер описывает изменения элиты как циклы, в которых за «вспышками» харизматического лидерства следует постепенная «рутинизация» и структурные сдвиги. Каждый цикл всегда включает перегруппировку элит и институциональные, а также структурные перестановки. Харизматические «волны» появления новых лидеров в элитных группах довольно часты, но нерегулярны и исторически случайны. Как правило, они сопровождают периоды социальных потрясений, кризисов, «коллективных волнений», массовых волнений и мобилизаций массовых протестных движений. В то время как харизматическое лидерство постепенно становится рутинной, элита принимает новую конфигурацию, новую структуру и новую модель элиты, формируя массовый союз. Это может привести к неустойчивой «плебисцитарной демократии» во главе с лидером популистского списка и назначенным им политическим «персоналом». Или она может преобразоваться в демократию, ориентированную на лидера; или в «партийную демократию», в которой доминируют партийные чиновники, обычно в коалиции с высшими правительственными чиновниками.

Современные теоретики элиты, такие как Дж. Хигли и его соавторы [9–11] расширяют и развивают эту теоретическую модель элиты в разных аспектах. Во-первых, они расширяют границы элит, чтобы включить в них все властные позиции, все ключевые секторы и организации.

Анализ работ теории М. Вебера оказывается слишком ограниченными действиями специализированных политических акторов. Как подчеркивали Парето, а в последнее время Г. Дамеле и А.С. Кампос [5], Р.Д. Патнэм [16], такие «властные элиты» всегда включают не только государственно-политическую элиту, но и бизнес-корпоративный сегмент, а также лидеров других крупных организаций, таких как церковь, профсоюзы и вооруженные силы. В то же время политические элиты остаются в центре внимания Дж. Хигли и его коллег, которые подчеркивают ведущую роль элит «центрального круга» и сетей, а также важность интеграции позиций элит в русле общественного консенсуса. Таким образом, эффективность элит зависит от обеспечения широкой интеграции властных позиций, в которых представлены все основные элитные группы, а все основные интересы согласованы внутри правящей элиты.

Второй аспект еще более важен и теоретически значим, Дж. Хигли и его коллеги [9] определяют основные источники единства элит либо как господствующую идеологию – общее идеологическое видение и стратегию – либо как нормативно-процедурный консенсус, посредством которого члены элиты разделяют приверженность нормам, регулирующим их конкуренцию, пресловутые «правила игры». Дж. Хигли и Р. Гюнтер [9] утверждали, что консолидация элит часто является реакцией на социальный или политический кризис, когда неэлиты (или «массы») угрожают позициям или интересам элит. Идеологическое единство ограничивает членов элиты и обычно навязывается им, что приводит к исключению и подавлению инакомыслящих; элиты, которые развивают этот тип единства, нелиберальны и недемократичны. Консенсуальные элиты, напротив, могут работать с широким спектром программных разногласий, если, конечно, их консенсус не сдерживает партийность и позволяет урегулировать разногласия мирным путем. Прежде всего, демократические правила игры подразумевают приверженность правовому и политическому порядку, а также открытость предвыборных соревнований за лидерство. Они также включают консенсус в отношении того, как осуществляется власть. Наконец, современные теоретики элиты, особенно Дж. Хигли [10], более точно определяют условия и модели изменения элит. Этот аспект веберовской социологии элит (динамика элит) остался недостаточно раскрытым, вероятно, из-за веберовского историзма (внимания к конкретным историческим конфигурациям). Современные теоретики элиты дополняют циклы харизматического лидерства более сложными схемами размещения, замены и трансформации элиты, причем последние предполагают преемственность элиты путем переговоров.

Хигли пишет, что «элиты могут быть определены как лица, которые в силу своего стратегического положения в крупных или иных ключевых организациях и движениях способны регулярно и существенно влиять на политические результаты» [10, 3].

М. Вебер подчеркивал идею о том, что помимо класса в современных обществах существуют и другие источники власти, такие как статус, определяемый потреблением [18; 19; 20]. «Политическая жизнь – это не просто произвольный выбор и не просто результат торга между отдельными, частными желаниями. Это всегда сочетание торга и компромисса, когда существуют нерешительные и противоречивые обязательства и общее понимание о государственной политике, к которым имеют отношение факты и рациональные аргументы» [15, 212].

В литературе по исследованиям элит наблюдается тенденция к обобщению. Исследовательский фокус посредством действий «универсальных» принципов состоит в том, чтобы воспроизвести теоретические схемы элитообразования для разных обществ. Тем не менее, особенности каждого общества не позволяют ученым полностью воспроизвести их теоретические рамки. Эта причина объясняет, почему Далез [4] заявил о «парадоксе великих теорий» в исследованиях элиты.

По нашему мнению, существенный вклад в теорию элит внесли и труды нашего соотечественника Питирима Сорокина, изучившего на большом фактологическом материале предпосылки обоснования динамики политических элит; влияние социальных групп на процессы

рекрутирования элит; влияние социальной стратификации на выдвижение элиты; особенности динамики элит (цикличность, жизненный цикл элит); механизмы отбора в политическую и властную элиту; взаимодействие индивида и социума, обуславливающее вертикальную мобильность; роль социальных институтов в отборе элиты; проблему численности элиты и представительства социальных групп [1; 2].

Теория современной элиты определяет «элиты» как акторов, контролирующих ресурсы, занимающих ключевые посты и взаимодействующих через властные сети [21]. Таким образом, современная концепция элит более тесно связана с веберинским понятием власти, понимаемой как способность осуществлять свою волю даже против воли других [20, 696]. Власть может быть достигнута за счет материальных и/или символических ресурсов. Следовательно, элиты можно определить как представителей власти, обладающих этими ресурсами [17]. Элиты могут происходить из государственного сектора управления и корпоративного мира бизнеса, а также из партий, профсоюзов, средств массовой информации, неправительственных организаций, любых социальных движений и т.д.

Конвергенция элит определяется как явление, которое часто следует за элитными группами. Она означает процесс, в котором в нестабильной демократии политически организованные антисистемные элиты отказываются от радикальной оппозиции и принимают коалиционную стратегию совместных действий, чтобы увеличить свои шансы на победу на выборах. Таким образом, радикально настроенные элиты принимают правила игры, сближаясь с правящими элитами для легитимации демократии и верховенства права. Этот процесс конвергенции элит часто ассоциируется с переходом от нестабильной к консолидированной демократии, когда ни одна элитная группа не бросает серьезного вызова существующему политическому режиму. Исследования позволяют установить основные факторы, определяющие процесс элитообразования в современных условиях: встраивание элиты в процессы модернизации национального государства с учетом его интересов, принятие конструктивных каналов рекрутирования и обновления политической элиты; учет местной специфики; учет сетевого характера взаимосвязей лиц, влияющих на формирование политической элиты.

Заключение

В заключение хочется отметить, что сторонники новой элиты также обращают внимание на многие аспекты политического развития, влияющие на единство и разобщенность элиты, такие как прежнее колониальное правление, экономические возможности, войны, политическое насилие, идеологические движения, враждебность масс и так далее. Поскольку сейчас в мире много демократий, новая элитарная парадигма ставит перед собой интересную исследовательскую задачу: отличить демократии с консенсуально объединенными элитами (т. е. демократия или нестабильная демократия) от прочих. Новая элитарная парадигма не обеспечила – пока – эффективного универсального измерения единства/разъединения элиты. Таким образом, исследование элит и процессов, соответствующих этим социальным и политическим изменениям, является по-прежнему актуальным вопросом в направлении которого сосредоточены интеллектуальные ресурсы как социологии, так и политологии, экономики, спектра наук об обществе.

Литература

1. Зубарев М.Е. Проблемы рекрутирования политической и управленческой элиты в работах Питирима Сорокина (К творческому наследию выдающегося сына Коми края) // Финно-Угорский мир. 2013. № 3. С. 96–102.
2. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Сокомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 297–405.
3. Burnham J. The Machiavellians. Defenders of freedom. London: Putnam & Co, 1943.
4. Daloz J.P. Elite distinction: grand theory and comparative perspectives// trabajo presentado en el Workshop “Recruitment and role perceptions of political elites in old and new democracies”, University of Bamberg. Alemania, 2007.

5. Damele G., Campos A.S. Introduction. *Elite Theory // Philosophical Challenges*. *Topoi* (Dordr). 2022. № 41(1). DOI: 10.1007/s11245-022-09794-1.
6. De Swaan A., Manor J., Øyen E., Reis E. Elite perceptions of the poor: Reflections for a comparative research project. *Current Sociology*. 2000.48(1): 43–54.
7. De Swaan A. Elite perceptions of the poor: Reflections for a comparative research project. In: Reis E., Moore M. (eds) *Elite Perceptions of Poverty and Inequality*. London: Zed Books, 2005. Pp. 182–94.
8. Domhoff G.W. *Who rules America? Power, politics and political change* (Fifth edition). McGraw-Hill. Boston, Mass, 2006.
9. Higley J. and Gunther R. (eds) *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
10. Higley J. *Elite theory in political sociology*, University of Texas at Austin, 2008.
11. Higley J., Michael Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. New York: Rowman and Littlefield, 2006.
12. Hirschman A.O. *The rhetoric of reaction: perversity, futility, jeopardy*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1991.
13. Lipset S., Solari A., *Elites y desarrollo en America Latina*. Buenos Aires: Paidos, 1967.
14. Pakulski J. The Weberian foundations of modern elite theory and democratic elitism // *Historical Social Research*. 2012. № 37(1). Pp. 38–56. <https://doi.org/10.12759/hsr.37.2012.1.38-56>
15. Pitkin H. *The concept of representation*. University of California Press, Berkeley, 1967. 212 p.
16. Putnam, Robert D - *Bowling alone [Текст]: The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster, 2000.
17. Reis E., Moore M. (eds) *Elite Perceptions of Poverty and Inequality*. London: Zed Books, 2005.
18. Weber M. *Economy and society. An outline of interpretive sociology*, University of California Press, Los Angeles/London, 1978.
19. Weber M. *The theory of social and economic organization*. The Free Press, New York, 1964.
20. Weber M. *The protestant ethic and the spirit of capitalism*. Scribner, New York, 1958.
21. Yamokoski A., Dubrow J.K. How do elites define influence? Personality and respect as sources of social power // *Sociological Focus*. 2008. № 41(4). Pp. 319–336.